

Сказка об одном зернышке

Галина Черноголовина

Бабушка Ксения постелила себе в одной комнате с внучатами. Когда поставили три раскладушки в ряд, Илюшка закричал:

— Чур, я рядом с бабусей!

— Нет, я! — возразила Тоня и тут же расхохоталась. — Чего мы спорим, бабуся ляжет посередине, вот и будем все рядом.

Пока Тоня раздевалась и переплетала одну косичку в две, чтобы удобней было спать, Илюшка подобрался к бабушке и обхватил её щёки ладошками:

— Какая ты коричневая. А вот здесь, на лбу, кожа белая и здесь, возле ушей.

— Это платок закрывает, — сказала Тоня и позавидовала: — А мне загара только до Октябрьских хватает, а потом опять веснушки заметно.

— Ах вы, мои подсолнушки! — улыбнулась бабушка Ксения. — У меня уж не загар — ветрогар настоящий. Продубела на ветру кожа.

— Бабусь, а бабусь... — попросил Илюшка. — Расскажи сказку...

— Да я их как-то не умею рассказывать, — виновато призналась бабушка Ксения. — Вот ваш дедушка Михай был на это мастер. Много сказок помнил и сам сочинял. Откуда что и бралось, ведь был он совсем молодой, такой, как ваш папа сейчас. Не знаю, помнит ли Витя, как отец ему сказки рассказывал...

— Помнит, — сказала Тоня, а у Илюшки лицо вдруг сделалось хитрое-прехитрое.

Он вскочил, подбежал к сестре и что-то зашептал ей.

— Сейчас! — кивнула Тоня, вышла в другую комнату и вернулась с небольшим чемоданом.

— Бабусь, ты не обижайся... — Илюшка крепко прикрыл ей глаза ладошками. — Мы тебе сейчас фокус покажем.

Что-то зашипело, будто часы перед боем. «В некотором царстве, в некотором государстве...» — вдруг произнёс хрипловатый мужской голос, и Ксения Сергеевна вздрогнула: это был голос её мужа, погибшего на войне... «Михей!.. Что за наваждение?» — подумала она.

— Бабуся, ты испугалась? — отдернул ладони Илюшка. — Это магнитофон! Видишь, крутится?

— Папа сказки на плёнку записал, — пояснила Тоня. — Илюшка же у нас такой: без сказки не заснёт.

Так вот чей это голос — Витин! Только теперь, услышав отдельно от сына его голос, она поняла, как он походит на отцовский...

Так же приглушённо, чуть таинственно Михай рассказывал когда-то сказки своему сыну. И эту сказку она тоже узнала. Если и было что-то добавлено или убавлено, то совсем немного.

«В некотором царстве, в некотором государстве, — доносился до неё, словно издаലെка, родной голос, — давным-давно шли по степи три брата.

Спешить им было некуда, шли да под ноги смотрели — авось какая-нибудь находка подвернётся.

И подвернулся старшему брату мешок с золотом, средний брат увидел в траве блестящую острую саблю, а младший поднял на дороге маленькое зёрнышко.

Тряхнул мешок с золотом старший брат — зазвенело золото: «Семь сёл, семь городов куплю!»

Взмахнул саблей средний брат, просвистела сабля: «Семь сёл, семь городов покорю!»

А младший брат держит зёрнышко на ладони и не знает, что сказать. А зёрнышко и говорит ему негромко: «Скажи, что семь сёл, семь городов прокормишь!»

— Семь сёл, семь городов прокормлю! — говорит младший брат.

Средний и старший братья покатались от смеха:

— Где это видано, где это слыхано — одним зерном семь сёл, семь городов прокормить?

— А вот и прокормлю.

Разозлились братья:

— Ишь расхвастался! Если так, оставайся со своим зерном, а мы пойдём дальше.

Остался младший брат на дороге, сидит и горюет: что ему теперь делать?

— Что же ты медлишь? — говорит ему зёрнышко. — Бросай меня в землю.

— Ну вот! — огорчился младший брат. — Золота не нашёл, сабли у меня тоже нет, да ещё и единственное зерно в землю бросить?

— Бросай, бросай, я к тебе вернусь.

Послушался младший брат.

Много раз солнце всходило и заходило, цветы отцветали, травы пожелтели... Загрустил младший брат: «Обмануло меня зёрнышко». Вдруг слышит — будто зовёт его кто. Оглянулся — качается пред ним тяжёлый золотой колос...

Обрадовался младший брат, срезал колос.

«Бросал в землю одно зерно — вернулось сорок. Брошу сорок — вернутся сорок сороков! Этак я и в самом деле семь сёл, семь городов прокормлю».

Много лет прошло, у младшего брата внуки подросли, семь сёл, семь городов построили.

Вот сидит младший брат на крыльце, видит — идут два дряхлых старичка. Один идёт — чуть дорогу носом не пашет, большущий горб его к земле придавил. Другой еле хромает, на ржавую саблю опирается, глаз платком завязан.

Узнал их младший:

— Братцы мои родные, да что же это с вами случилось?

— Носил я, носил своё золото, — хнычет старший, — всё было жаль с ним расстаться, а оно возьми да и прирасти к спине. Хожу теперь горбатый.

— Махал я, махал своей саблей, — жалуется средний, — а у других тоже сабли да пики были... Никто мне покориться не захотел, теперь вот хожу калекой, сабля вместо костыля мне стала.

— Ну что ж, — говорит младший брат. — Оставайтесь у меня. Живите. Уж если зёрнышко семь сёл да семь городов прокормило, на вас и подавно хлеба хватит.

И стали они жить-поживать...»

Магнитофон щёлкнул и умолк.

— Бабуся! — звонко сказал Илюшка. — А я тебе колос обратно привёз.

— Какой колос?

— Ну... тот, что в посылке посылала.

— Да не посылала я... — удивилась бабушка Ксения.

— А вот посмотри. — Илюшка открыл свою заветную коробочку.

Бабушка повертела колос в руках:

— Верно, пшеница наша, «целинница». Но как она в посылке оказалась? А-а, вот как. Возле часов, над столом, у меня пшеничный снопок висел. А посылку я на столе укладывала. Тогда, наверно, и выпал из снопа этот колос...

Илюшка округлил глаза и сказал таинственно:

— А вдруг этот колос тоже волшебный? Вдруг он нарочно из снопа выпрыгнул и забрался в ящик? Вдруг это он заколдовал, чтобы мы к тебе приехали?

— Вот выдумщик! — засмеялась Тоня. — Всё бы ему как в сказке, всё бы ему волшебное.

— А ты знаешь, Тоня... — тихо сказала Ксения Сергеевна. — Я вот седьмой десяток на свете живу, а всё ещё иногда не могу различить, что волшебное, а что нет.

А сама подумала: разве не чудо это, что через столько лет после войны услышала она сегодня живой голос Михея?